О.И. Журба, Т.Ф. Литвинова

ГЕТМАНЩИНА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ УКРАИНСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX В. ЧАСТЬ 2. НОВЫЕ ОБРАЗЫ ОТЧИЗНЫ

Авторы рассматривают эволюцию представлений интеллектуальной элиты Левобережной Украины об особенностях статуса, социально-политического строя этой специфической области Российской империи, о роли разных социальных групп, прежде всего казачества и шляхты, в её истории и трансформациях рубежа XVIII–XIX вв. Персоналии, оказавшиеся в центре исследования (Григорий и Василий Полетики, Адриан Чепа, Семен Кочубей, Григорий Галаган), являлись авторитетными выразителями настроений значительной части местной элиты. Хронологическая разбросанность их высказываний позволяет проследить изменения во взглядах на место края в системе империи – от сохранения модернизированной в духе времени автономной Гетманщины до полной её политико-правовой интеграции, на роль гетманов и казацкой системы в жизни малороссийского общества, на возможные механизмы адаптации к новым социокультурным реалиям.
Ключевые слова: *Левобережная Украина, Малороссия, Гетманщина, Российская империя, украинское национальное возрождение, идентичности*

Поколение «детей» малороссийской социальной и интеллектуальной элиты в условиях рубежа XVIII–XIX вв. продемонстрировало готовность к корпоративной солидарности и решимость в защите национальных интересов. Одним из его лидеров стал сын Григория Андреевича Полетики Василий (1765–1845). Опираясь на «Права» 1768 г. и другие рукописи отца, следуя основным положениям его концепции, в тесном сотрудничестве с близкими по духу А.И. Чепой, Н.М. Стороженко, В.И. Чарнышем, А.А. Ригельманом, Ф.О. Туманским, Т.В. Калинским, Р.И. Марковичем, он заявил протест в связи с шением Герольдии отказать в дворянстве потомкам низших казацких чинов. В очередном ущемлении традиционных прав дворяне увидели не столько нарушение своих личных интересов, сколько оскорбление «патриотического чувства». Не признавая права низших малороссийских чинов, Герольдия оскорбляла память «вождей нации, ни во что не ставя их доблестные подвиги перед Родиной и престолом[1].

На защиту «братии меньшей» выступили ведущие представители элиты, которые уже давно и безусловно были нобилитированы как российские дворяне, что не позволяет говорить об их корпоративном эгоизме. Лидерами оппозиции стали губернские и уездные маршалы (предводители) дворянства, к которым стекались составленные местными интеллектуалами «записки» и «мнения». В них на многочисленных примерах, с обширными юридическими и историческими экскурсами доказывалась легитимность «давних прав и вольностей» малороссийского рыцарства и шляхты. Общественное движение, пик

[1] Записка о начале 1893.

которого пришелся на 1805–1810 гг., влекло на свою сторону и симпатии имперской администрации – генерал-губернаторов А.Б. Куракина, Я.И. Лобанова-Ростовского, Н.Г. Репнина.

А.И. Чепа в своей «Записке» ссылался на авторитет Г.А. Полетики, демонстрируя преемственность и значимость идейного наследия предыдущего поколения. В историческом экскурсе автор обосновывал первородство Малороссии тем, что она была «прародительной отчизной всероссийских монархов», к «подножию престола» которых малороссийские чины добровольно «повергнули» Малую Россию. Опорой такой, как видим, далекой от провинциальности самоидентификации, было убеждение, что истоки политической самобытности Отчизны закладывались еще во времена Великого княжения Киевского, а предками малороссийского народа – древние руссы. Огромной заслугой Малой России А.И. Чепа считал и то, что «под чужим игом сохранила она от времен древнего русского правления православную веру, русский язык… древние права и уставы, обычай и разделение состояния народа»[2].

Пафосные патриотические манифестации поколения «детей» опирались на идейное наследие 1760-х. И, хотя об административно-политической автономии речь уже идти не могла, осознание исключительного положения своей отчизны определяло характер мысли и действия. Их девизом были слова В.Г. Полетики, писавшего 2 февраля 1810 г. А.И. Чепе: «Как приятно трудиться для славы и пользы отечества!»[3]. «Дети» были уверены и в появлении «внуков»: «На сем поприще возобновится память прежних, незабвенных во веки наших патриотов. Щасливы будем ежели увидим новых, защищающих с таким же усердием права, преимущества, вольности и свободы своего отечества. Напротив сего должны мы отвратить взор свой с омерзением от пагубностных предателей отечества, вредных себялюбцев»[4].

Острый накал писаний малороссийских интеллектуалов совсем не означал их единодушия. Шел интенсивный поиск оптимальных путей интеграции Отечества в имперские структуры при безусловном сохранении его особенностей к преумножению «чести нации нашей»[5]. Однако все это общественное напряжение эпохи З. Когут свел к двум конкурирующим позициям: «ассимиляторы» и «традиционалисты»[6], что благодаря авторитету историка неоднократно повторено зарубежными и украинскими авторами. Такие маркировки не позволяют понять разнонаправленность социальных и идейных процессов,

[2] Записка о преимуществах 1897: 297.
[3] Журба 2009: 212.
[4] Там же: 213. В данном случае, вероятно, речь идет об анонимном авторе «Замечаний до Малой России принадлежащих» начала XIX в.
[5] Там же: 198.
[6] Когут 1996: 226. Об уязвимости этой схемы, условности и неопределенности предложенных понятий, вслед за которыми появились подобные – «реставраторы» и «модернисты», уже доводилось писать. – Журба 2013; Литвинова 2019: 29.

например то, почему А.И. Чепа, за которым в историографии прочно утвердилась репутация «автономиста», в письме к В.Г. Анастасевичу 28 августа 1816 г. характеризовал гетманское правление как «самое адское», а гетманов как «пренечистивых деспотов»; писал, что «Малоросия, ежели и имеет какие отличныя преимущества, к добру ей служащия, то имеет по милости Российских Государей»[7].

Скептическое отношение к «гетманскому правлению», ставшему символом узурпации власти, не было и ранее чем-то исключительным в среде малороссийской элиты. Еще Г.А. Полетика в своем прошении к Елизавете Петровне 1760 г., представляя суть личного конфликта с гетманом К. Разумовским, писал об узурпации власти[8]. Отрицательное отношение лично к Разумовскому, вероятно, связано и с той ролью, которую гетман, он же президент Академии, сыграл в запрещении к печати в мартовской книжке «Ежемесячных сочинений» за 1757 г. его большого исследования «О начале, возобновлении, и распространении учения и училищ в России, и о нынешнем оных состоянии»[9]. Но главное, что этот знаток права неоднократно выступал за разделение военной и гражданской властей на основе Литовского статута, за установление принципов сеймового, коллективного управления. Привыкшая к неоднократному запрещению гетманской должности на протяжении XVIII века, элита края спокойно отнеслась и к её ликвидации в 1764 г., не связывая с этим, как считают историки[10], крушение всей автономной системы Гетманщины. Она сохраняла свою административно-территориальную и военную организацию еще до начала 1780-х гг., правовую автономию – вплоть до 1840-х гг., а идейно-культурную и социальную – до начала XX в. Поэтому в актуальной малороссийской повестке принципиально важным было не сохранение / восстановление гетманского уряда, а закрепление и упорядочивание «давних прав и свобод».

Констатация того, что «традиционалисты не смогли остановить постепенную ассимиляцию и интеграцию украинской шляхты с имперским российским дворянством»[11], коренится в народнических представлениях о «предательстве» интересов народных масс и непонимании социальной элитой «национальных задач». Это стало и составной частью исторической концепции М.С. Грушевского, что еще в 1966 г. подверг резкой критике О. Прицак[12].

Деятельность украинских интеллектуалов второй половины XVIII – первой половины XIX вв. принято рассматривать в контексте схемы М. Гроха, адаптированной к отечественным реалиям в виде

[7] Журба 2009: 202–204.
[8] ЧИМ. Ал. 502/15/60.
[9] Литвинова 2001.
[10] Лазарев 2016: 186.
[11] Когут 1996: 240.
[12] Прицак 2007: 180.

теории «национального возрождения». В современной историографии она выполняет двоякую задачу: вписывания домодерной Малороссии в контекст общих с Восточной Европой социокультурных процессов (с одновременным выписыванием из имперских) и идейной борьбы с современным «малороссийством», ставшим, начиная с революции 1917 г., одним из главных врагов модерного украинского проекта. Исходя из этого, украинцы второй половины XVIII – середины XIX в., которые тогда почему-то назывались малороссами, как бы передают эстафетную палочку деятелям украинского движения второй половины XIX в., а те, в свою очередь, оставляют это наследство поколению М.С. Грушевского с его политическими притязаниями. Эта линейная, анахроничная схема, столь популярная и в аналитическом, и в дидактическом историописании, не выдерживает критики, так как отказывает интеллектуалам «украинских» регионов империи в их адекватной самоидентификации, навязывая формы мышления и саморепрезентации в категориях иного времени и стиля мышления. Так, С.Н. Плохий, констатируя, что «История русов» идеально вписывается в первый этап украинского национального возрождения, а год её первого датированного списка удивительным образом совпадает по времени с публикацией первой грамматики модерного ***украинского*** языка, выходом первого сборника ***украинских*** народных песен, первой ***украинской*** пьесы, ссылается на работы А. Павловского, Н. Цертелева и И. Котляревского[13]. Они же, наверное, наивно и ошибочно, считали, что издают «Грамматику ***малороссийского*** языка», публикуют «***малороссийские*** песни», перелицовывают «Энеиду» на «***малороссийский*** язык».

Оптика «украинского национального возрождения» определила и репрезентации отечественного историографического процесса[14] как целостного, беспрерывного, линейного развития, без сомнения, ***украинской*** исторической мысли с древних времен. Выходит, что действуем по принципу: если история не укладывается в рамки «универсальной» теории, то тем хуже для истории. Здесь уместно вспомнить замечание французского историка В. Робера: «Какое у нас право полагать, что люди XIX века ошибались? Конечно, историкам, осведомленным о дальнейшем ходе событий, легко демонстрировать ретроспективную проницательность и подчеркивать значение детали, ускользнувшей от внимания современников, но содержащей в себе предвестие будущего. …если они [современники] придавали некоему событию первостепенное значение, мы обязаны к ним прислушаться. Раз они так поступали, значит, у них наверняка были для этого резоны, сформулированные открыто или только подразумеваемые. Осталось понять, что это за резоны»[15]. Нам очень близок такой ситуатив-

[13] Плохій 2013: 387.
[14] Колесник 2000; Кравченко 1996; Калакура 2012.
[15] Робер 2019: 53–54.

ный подход, акцентирующий внимание не на том, чем данное явление станет через много десятилетий, а на том, чем оно было.

Инерция, заданная украинской историографией, ощущается и в построениях российских авторов, которые истоки украинской нации и украинского нациестроительства начинают с 1760-х гг.[16], в то время как осознание этнонационального единства заманифестировано в узком кругу кирилло-мефодиевцев только в середине XIX в. Насколько сложным и долгим оказалось вызревание этого маргинального до революции 1917 г. интеллектуального продукта свидетельствует то, что даже в конце XIX в. «украинские интеллектуалы все еще расходились относительно того, где именно проходят границы "Украины"»[17].

Вместе с тем обращает на себя внимание, что в текстах малороссийских интеллектуалов первой половины XIX в. ярко и четко отразились представления об уникальности их Отчизны, понимание её территориальных границ, отличия от соседних, в том числе украиноэтничных регионов, т.е. все то, что позволяет определять административно-территориальный патриотизм как важнейшую черту этого национального организма. Поэтому не случайно вместе с понятием «малороссийский народ» продолжает нередко употребляться и самоназвание «малороссийская нация». В политическом плане она встраивала себя в систему подданства российскому монарху, требуя взамен защиты и поддержки своего эксклюзивного национального пространства. Домодерная малороссийская нация как политическая и политико-правовая реальность к началу 1840-х гг. постепенно растворялась. Однако инерция «долгого времени» ментальных структур и стереотипов обеспечила её устойчивость и живучесть, наполняя новым содержанием, смыслом которого становился поиск новой, этнической Родины, пространство которой оказалось значительно шире административно-территориальных границ бывшей Гетманщины.

О том, что Малороссия в первой половине XIX в. скорее жива, чем мертва, свидетельствовали проекты С.М. Кочубея (1832) и Г.П. Галагана (1857), стимулированные польским фактором: в первом случае последствиями восстания 1830–1831 гг., а во втором – ликвидацией в 1856 г. указов и постановлений николаевского времени, направленных на «перевоспитание» поляков, что, по мнению элиты Левобережной Украины, изменило «соотношение сил» в Киеве[18].

С. Кочубей связывал успехи Малороссии прежде всего с социально-экономическим «национализмом» (развитие городов, ремесел, промышленности, путей сообщения, в т.ч. строительство канала в обход днепровских порогов, что сделает главную реку края полностью судоходной) и избавлением от архаических «военно-пастушеских» форм жизни (казацкие хутора, традиционная пища, одежда), предлагая

[16] Лазарев 2016.
[17] Velichenko 2002.
[18] Литвинова 2015.

вместе с тем расширить границы края за счет Слобожанщины и переименовать три составляющие Малороссию губернии в Украинскую Полтавскую, Украинскую Черниговскую и Слободско-Украинскую[19].

Примером поиска и организации нового пространства Малороссии стал административный проект Г.П. Галагана, представителя нового поколения, для которого, однако, бывшая Гетманщина, еще долгое время представлялась «островом, окруженным морем − Россией». А уже в конце 1850-х гг. в своем проекте он очертил более широкие границы Старой Малороссии, включив в нее не только левобережные, но и правобережные и материковые южные губернии, невольно конструируя тем самым новое национальное пространство и новую историческую память. Этот, по сути интеграционный, проект интересен, в первую очередь, с точки зрения «собирания» Отечества и представлений о его возможных новых границах. Своеобразным символом и важным аргументом его реализации стал для автора Николаевский мост через Днепр, заложенный в 1848 г. и освященный в 1853 г. в один день с памятником князю Владимиру в Киеве. Заметим, что создание новой ментальной карты было результатом не только напряженного творчества самого Галагана, но и активной многолетней работы по «собиранию малороссийского наследия», деятельности Киевской археографической комиссии, малороссийской историографической экспансии и обсуждения проблем своей Родины в определенном кругу интеллектуалов. Галаган же выступил как своеобразный лидер, осуществляющий «мозговой штурм». Оформление его результатов в виде проекта было одновременно демонстрацией возможностей административного фактора, способного четко организовать пространство, создавая тем самым новые ментальные карты в сознании не только узкого круга интеллектуалов, но и широких масс, а также новый «национальный ландшафт» как важный элемент мобилизации национального самосознания и постановки национальных задач.

Именно в это время на той же основе в рамках одного поколения «внуков» Г.А. Полетики наметился раскол. Не случайно именно к концу 1850-х гг. относится крайне резкая оценка Г.П. Галаганом манифестирования его ровесником П.А. Кулишем новой системы национальной идентичности. Галаган возмущенно писал Н.А. Ригельману о предательстве национального малороссийского патриотического дела, определяя это в категориях: Кулиш сошел с ума[20], так как тот, кроме прочего, исключал из «народа-нации» шляхту-дворянство, т.е. разрушал идею социального единства, характерную для Малороссии. Народ же с той поры стал отождествляться только с социальными низами, прежде всего, с крестьянством. Даже казацкий миф постепенно уходил на второй план, переосмысливаясь в народнических категориях борьбы за социальные права угнетенных. Особую горечь

[19] Галь 2004: 118–123, 124–127.
[20] Литвинова 2019: 556.

у Г.П. Галагана и его единомышленников, промоутеров модерного малороссийского проекта (В.В. Тарновского, М.А. Максимовича, М.А. Юзефовича, Н.А. Ригельмана, О.М. Бодянского и др.), вызывало то, что именно они материально, морально и организационно поддерживали Т.Г. Шевченко, П.А. Кулиша, Н.И. Костомарова и др., как им казалось, национальных малороссийских деятелей.

Так что, если говорить о разрыве в украинском национальном строительстве, то его следует искать не в деятельности Г.А. Полетики, вменяя ему то, чего он не мог и не имел намерения делать – формировать новый антиимперский политический язык, идеалы «независимой Украинской казацкой державы»[21], а в поколении его «внуков». Именно они на одном и том же материале сформулировали два конкурирующих модерных национальных проекта – малороссийский, вписывающийся в систему имперской лояльности и органично выросший на плечах «дедов и отцов», и украинский, присвоивший и переопределивший чужую историю, идеи, культурное наследство.

Уже в начале 1858 г. раскол национального движения явно ощущал и болезненно переживал Галаган, доверительно писавший жене о «раздражении», которое «в нашем маленьком Малороссийском мире уже царствует»[22]. И если «разрыв» в национальном движении середины XVIII в. сконструирован исключительно историографическим путем, то драматизм столкновения двух национальных проектов в середине XIX в. явственно осознавался и переживался его творцами. Относительно невозможности достижения единства, Галаган сокрушался: «Беда нам бедным! Судьба наша преследует во всей нашей истории! Вечно разъединение и распри между нами Малороссиянами! Это губило наше возрождающееся государство, наше благосостояние и наконец нашу национальность. Не понимают наши ни с верху, ни с низу что нам нужно». Сокрушаясь, что направление П.А. Кулиша «сделалось просто возмутительно», считая его нападки на дворянство несправедливыми, Галаган писал: «…он сам пан, обязан всем панам, не только в отношении своей личности, но и в отношении возрождения нашей национальности». И далее задавался вопросом: «В ком так сильно возродилась наша национальность? Не в простом народе, который вовсе об этом не хлопочет и продолжает с каждым днем больше и больше Москалиться; она возродилась в избранной части панов. За что же казнить целое сословие без различия? Эту двойную неблагодарность нельзя иначе растолковать как стремлениями революционными, сумасшедшими»[23]. Вряд ли это может быть подтверждением расхожего представления о том, что «не элита творила национальный миф, а далекая от нее интеллигенция»[24].

[21] Лазарев 2016: 199.
[22] ИР НБУВ. Ф. III. № 46100. Л. 2 об.
[23] Там же. № 46109, Л. 2–2об.
[24] Лазарев 2016: 199.

Комбинации идентичностей порождают специфику региональных идентичностей. Для малороссийской элиты ситуация осложнялась поисками не только новой социального, но национального самоопределения в условиях конкуренции многочисленных домодерных и модерных проектов. Это не в последнюю очередь было обусловлено, по наблюдениям М. фон Хагена[25], чрезвычайной культурной и политической проницаемостью общеукраинского пространства.

Малороссийская идентичность, существовавшая как минимум в двух видах: на уровне традиционной административно-территориальной и национально-этнической, вписывалась в иерархию общероссийских структур. Они находились в отношениях, которые типологически можно обозначить как конфликт «отцов и детей», под одним и тем же – «малороссийское» – подразумевавших не одно и то же. Украинская же идентичность, задекларированная с кирилло-мефодиевцев, сепарируя себя, выписывая из ментального, идейного, прежнего этнического контекста, предусматривала начать строительство собственной иерархии. Малороссия же в исключительно новом территориальном смысле, как регион, включалась в новую систему идейных и политических иерархий. Украинство (как идентичность), стремившееся к самодостаточности, лишало дворянство традиционной легитимации (через российское дворянство), требуя поисков другой социальной идентичности. Поэтому широкая меценатская помощь со стороны Галагана, Тарновских и их единомышленников, во всяком случае до середины XIX в., предоставлялась «украинскому движению» как малороссийскому. В то же время в рамках украинского проекта, по сути, рождается «Третья» Малороссия.

«Первая» Малороссия – это бывшая Гетманщина, с её правами, легитимацией через казацкое право, гетманские статьи, польско-шляхетское, со своим осознаваемым местом в системе элит, с тем, что было живым в структурах идентичностей до начала XIX в., пока не исчезло поколение непосредственно наблюдающих. Это та Малороссия, которая, растворившись в российских политико-административных структурах, умирая, оживала в них.

«Вторая» Малороссия – национально-этническая – была рождена романтизмом, литературой. Ее границы, демография стали предметом поиска всего XIX в., в который активно включились «дети» «старых» малороссов, постепенно осознавшие, что их Отчизна не ограничивается Полтавской и Черниговской губерниями. Тогда встал вопрос: «кто мы?». Но эти «дети» не просто «оплакивали Малороссию в рукописных произведениях» и «хранили память о ней»[26], а работали, как могли, на развитие малороссийской «нации».

«Третья» Малороссия, похожая и непохожая на две первые, возникает с формированием украинского национального проекта, кото-

[25] Хаген фон 2000: 66.
[26] Когут 2004: 98.

рому «вторая» Малороссия идентична во всех смыслах. Кроме одного – они (малороссийский национально-этнический и украинский проекты) вмонтированы в конфронтационные иерархии идентичностей.

«Вторая» Малороссия – alter ego «третьей», одна и та же «персона». Поэтому спор между «Украиной» и «Малороссией» – это спор не двух субъектов, а душевный конфликт тождественного, спор о том, с кем дружить, с кем гулять. Здесь общее прошлое, культура, население, но им придется выбирать из двух взаимоисключающих дорог. Поэтому в «Украине» нет места «второй» Малороссии. А вот «первая» имеет шанс на «возрождение». «Украина» хочет вывести её за рамки Полтавской и Черниговской губерний и расширить во всяком случае на Правобережье и Слобожанщину. Отсюда и путаница в головах, порождающая терминологическую путаницу, в т.ч. в работах историков, что хорошо прочитывается даже в современных попытках российских авторов расширить представления об украинском национальном движении второй половины XIX – начала XX в.[27]

В заключение важно еще раз подчеркнуть, что исторические параллели между Украиной и Шотландией корректны прежде всего с точки зрения унийных процессов, имевших следствием создание империй. И тут трудно не согласиться с японским русистом Кимитаки Мацузато, который Левобережную Украину-Малороссию считает одним из трех макрорегионов, составлявших территориальное ядро Российской империи и имевших статус «внутренних губерний». При этом «ядровой статус» в империи, по мнению историка, не означал потери исторической и этнической специфики, поскольку Российская империя представляла собой своего рода коалиционное государство трех макрорегионов[28]. Не случайно у социальной элиты этого региона, не испытывавшей систематического дискомфорта как минимум до середины XIX в., не было особых проблем вписывания в имперскую систему. Империя для них была общим пространством, в создании которого на протяжении всей её истории они, иногда задавая тон, принимали активное участие. Но это не отменяло осознание национальной отдельности, а, напротив, усиливало её. Об этом малороссийская элита хорошо помнила и не уставала напоминать, как один из главных «акционеров» империи. Остается надеяться, что преодоление национальных нарративов, а также комплекса периферии украинскими историками позволит писать «нормальную» историю империи как «ничейного» пространства, где происходило взаимодействие вне формального «национального тела».

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУВ). Ф. III, Ф. VIII.

Черниговский исторический музей им. В.В. Тарновского (ЧИМ). Ал. 502/15/60.

[27] Федевич 2017.

[28] Мацузато 2002.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Галь Б., Швидько Г. «…Мысли мои о крае сем…» (С.М. Кочубей і його записка про Малоросію) // Схід-Захід. 2004. С. 101–128 [Gal’ B., Shvyd’ko G. «…Mysli moi o krae sem» (S.M. Kochubei i yoho zapyska pro Malorosiiu) // Skhid-Zakhid. 2004. S. 101–128].

Журба О.И. Региональное историописание второй половины XVIII – первой половины XIX в. в плену «украинского национального возрождения» (проблемы украинской исторической и историографической культуры) // Мир историка. 2013. Вып. 8. С. 124–165 [Zhurba O.I. Regional’noe istoriopisanie vtoroj poloviny XVIII – pervoj poloviny XIX v. v plenu «ukrainskogo nacional’nogo vozrozhdeniya» (problemy ukrainskoj istoricheskoj i istoriograficheskoj kul’tury) // Mir istorika. 2013. Vyp. 8. S. 124–165].

Журба О.І. «Представьте Вы себе, какой зверь был гетман! Это были пренечистивые деспоты!» (з листа свідомого українського патріота, автономіста та традиціоналіста початку XIX століття) // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. 2009. С. 161–220. [Zhurba O.I. «Predstav’te Vy sebe, kakoj zver’ byl getman! Eto byli prenechistivye despoty!» (z lysta svidomoho ukrainskoho patriota, avtonomista ta tradytsionalista pochatku XIX stolittia) // Dnipropetrovs’kyi istoryko-arkheohrafichnyi zbirnyk. 2009. S. 161–220].

Записка о начале, происхождении, и достоинстве Малороссийского дворянства, писанная маршалом Роменского повета Василием Полетикою // Киевская старина. 1893. Январь. Приложение. С. 1–14 [Zapiska o nachale, proiskhozhdenii, i dostoinstve Malorossijskogo dvoryanstva, pisannaya marshalom Romenskogo poveta Vasiliem Poletikoyu // Kievskaya starina. 1893. Yanvar’. Prilozhenie. S. 1–14].

Записка о преимуществах чинов Малороссийских. Сочинена статским советником Адрианом Чепою 1809 года, февраля 18 дня // Киевская старина. 1897. Январь. Приложение. С. 23–39. [Zapiska o preimushchestvah chinov Malorossijskih. Sochinena statskim sovetnikom Adrianom Chepoyu 1809 goda, fevralya 18 dnya // Kievskaya starina. 1897. Yanvar’. Prilozhenie. S. 23–39].

Калакура Я.С. Українська історіографія. Київ, 2012. 512 с. [Kalakura Ya.S. Ukrains’ka istoriohrafiia. Kyiv, 2012. 512 s.].

Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760–1830. Київ. 1996. 317 с. [Kohut Z. Rosiiskyi tsentralizm i ukrainska avtonomiia. Likvidatsiia Hetmanshchyny 1760–1830. Kyiv. 1996. 317 s.].

Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004. 352 с. [Kohut Z. Korinnia identychnosti. Studii z rannomodernoi ta modernoi istorii Ukrainy. Kyiv, 2004. 352 s.].

Колесник І.І. Українська історіографія (XVIII – початок XX століття). Київ. 2000. 256 с. [Kolesnyk I.I. Ukrains’ka istoriohrafiia (XVIII – pochatok XIX st.). Kyiv. 2000. 256 s.].

Кравченко В.В. Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Харків. 1996. 296 с. [Kravchenko V.V. Narysy z ukrains’koi istoriohrafii epokhy natsionalnoho Vidrodzhennia (druha polovyna XVIII – seredyna XIX st.). Kharkiv. 1996. 296 s.].

Лазарев Я.А. Идейное поле «национального» интеллектуала имперского периода: взгляды Г.А. Полетики (1725–1784) на «украинскую государственность» // Slověne=Словѣне. 2016. № 1. С. 184–202. [Lazarev Ya.A. Idejnoe pole «nacional’nogo» intellektuala imperskogo perioda: vzglyady G.A. Poletiki (1725–1784) na «ukrainskuyu gosudarstvennost’» // Slověne=Slověne. 2016. № 1. S. 184–202].

Литвинова Т.Ф. «Помещичья правда»: дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2019. 648 с. [Litvinova T.F. «Pomeshchich’ya pravda»: dvoryanstvo Levoberezhnoj Ukrainy i krest’yanskij vopros v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka. M., 2019. 648 s.].

Литвинова Т.Ф. Малоросс в российском культурно-историографическом пространстве второй половины XVIII века // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. 2001. С. 28–64. [Litvinova T.F. Maloross v rossijskom kul’turno-istoriograficheskom prostranstve vtoroj poloviny XVIII veka // Dnipropetrovs’kij istoryko-arheografichnyj zbirnyk. 2001. S. 28–64].

Литвинова Т.Ф. Роздуми над «малою українською трилогією» Даниеля Бовуа // Український історичний журнал. 2015. № 6. С. 154–174. [Lytvynova T.F. Rozdumy nad «maloiu ukrains’koiu trylohiieiu» Danyelia Bovua // Ukrains’kyi istorychnyi zhurnal. 2015. № 6. S. 154–174].

Мацузато К. Ядро или периферия империи? Генерал-губернаторство и малороссийская идентичность // Український гуманітарний огляд. 2002. Вип. 7. С. 76–78. [Macuzato K. Yadro ili periferiya imperii? General-gubernatorstvo i malorossijskaya identichnost' // Ukrains'kyi humanitarnyi ohliad. 2002. Vip. 7. S. 76–78].

Плохій С.М. Козацький міф. Історія та націотворення в епоху імперій. Київ. 2013. 440 с. [Plokhii S.M. Kozatskyi mif. Istoriia ta natsiotvorennia v epokhu imperii. Kyiv. 2013. 440 s.].

Полетика Г.А. Мнение о начитанном проекте правам благородных // Сборник РИО. СПб, 1882. Т. 36. С. 346–356. [Poletika G.A. Mnenie o nachitannom proekte pravam blagorodnyh // Sbornik RIO. SPb, 1882. T. 36. S. 346–356].

Прицак О. У століття народин М.С. Грушевского [1966] // Україна модерна. 2007. Ч. 12. С. 170–190. [Prytsak O. U stolittia narodyn M.S. Hrushevskoho [1966] // Ukraina moderna. 2007. Ch. 12. C. 170–190.].

Робер В. Время банкетов: политика и символика одного поколения (1818–1848). М., 2019. 656 с. [Rober V. Vremya banketov: politika i simvolika odnogo pokoleniya (1818–1848). M., 2019. 656 s.].

Сборник Русского императорского исторического общентва. СПб., 1869. Т. 4; 1871; Т. 8; 1881. Т. 32; 1882. Т. 36. [Sbornik Russkogo imperatorskogo istoricheskogo obshchentva. SPb., 1869. T. 4; 1871; T. 8; 1881. T. 32; 1882. T. 36.].

Федевич К.К., Федевич К.І. За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905–1917 роки). Київ. 2017. 308 с. [Fedevych K.K., Fedevych K.I. Za Viru, Tsaria i Kobzaria. Malorosiiski monarkhisty i ukrainskyi natsionalnyi rukh (1905–1917 roky). Kyiv. 2017. 308 s.].

Хаген фон М. Имеет ли Украина историю? // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 51–72. [Hagen fon M. Imeet li Ukraina istoriyu? // Ab Imperio. 2000. № 1. S. 51–72].

Velichenko S., The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought. Dependency Identity and Development» // «Ab Imperio». 2002. № 1. С. 323–367.

***Литвинова Татьяна Федоровна**, доктор исторических наук, профессор, Днепровский национальный университет им. Олеся Гончара (Украина), профессор, кафедра истории Украины; litviniva.tf@i.ua*

***Журба Олег Иванович,** доктор исторических наук, профессор, Днепровский национальный университет им. Олеся Гончара (Украина), заведующий, кафедра историографии, источниковедения и архивоведения; zhurba.oi@i.ua*

Hetmanate in the views of the Ukrainian intellectual elite (second half of the XVIII – middle XIX cc.) Part 2. New images of the Fatherland

The focus is on the evolution of the ideas of the intellectual elite of the Left Bank Ukraine about the peculiarities of the status, the socio-political structure of their homeland, this specific region of the Russian Empire, about the role of various social groups, primarily the Cossacks and the gentry, in its history and transformations at the turn of the the 18th – mid-19th cc. The personalities who found themselves in the center of the study – G. and V. Poletik, A. Chepa, S. Kochubei, G. Galagan and others, reflected not only their own views on the past, present and future of the region, but were also authoritative exponents of the sentiments of a significant part of the local social elite. The chronological scattering of their statements makes it possible to trace changes in views on the place of the region in the system of the empire - from the preservation of the autonomous Hetmanate modernized in the spirit of the times to its full political and legal integration, to the role of hetmans and the Cossack system in the life of Little Russian society, as well as to possible mechanisms of adaptation to new socio-cultural realities.

Key words: Left-bank Ukraine, Little Russia, Hetmanate, Russian Empire, Ukrainian national revival, identity

***Tatyana F. Litvinova,** Dr. Sc. (History), Professor, Department of History of Ukraine, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine); litvinova.tf@i.ua*

***Oleg I. Zhurba,** Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Historiography, Source Studies and Archival Studies, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine); zhurba.oi@i.ua*